

УДК 930/94(47)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.08

Дж. Брэдли

доктор исторических наук (PhD),

заслуженный профессор

Университет Талса

Александрия, Вирджиния, США

joseph-bradley@utulsa.edu

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ В ОЦЕНКЕ АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ

Аннотация. Статья посвящена историографическому анализу работ российских исследователей, опубликованных в американском журнале переводов «Russian Studies in History», проведенном англо-американскими историками. В ней отмечается значительное расширение тематики современных российских исторических исследований, применение в них новой методологии и обращения к новым, ранее неиспользованным массивам документов, находящимися преимущественно в местных архивах. Все это позволило добиться впечатляющих результатов в области политической, социальной, экономической и культурной истории, а также в истории повседневности.

Ключевые слова: российская историография, история России, американский журнал переводов, американская историография.

UDC 930/94(47)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.08

Joseph Bradley

Doctor of Historical Sciences (PhD), Emeritus Professor

University of Tulsa

Alexandria, Virginia, USA

joseph-bradley@utulsa.edu

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF RECENT YEARS AS ASSESSED BY AMERICAN HISTORIANS

Abstract. The article is devoted to the historiographical analysis of the works of Russian researchers published in the American journal of translations *Russian Studies in History*, conducted by Anglo-American historians. It notes a significant expansion of the topics of modern Russian historical research, the use of a new methodology in them and the appeal to new, previously unused arrays of documents, mainly located in local archives. This has made it possible to achieve impressive results in the field of political, social, economic and cultural history, as well as in the history of everyday life.

Keywords: Russian historiography, Russian history, American translation journal, American historiography.

Введение. С 1994 г. я являюсь редактором журнала переводов «Russian Studies in History». Журнал выходит четыре раза в год. С 1962 г. по 1992 г. он назывался «Soviet Studies in History». Цель журнала — дать возможность российским историкам, особенно малоизвестным на Западе, представить свои работы англоязычному читателю за рубежом. Каждый выпуск журнала посвящен отдельной проблеме российской истории. Редактор каждого выпуска выбирает статьи и пишет предисловие, в котором оценивается нарратив, подход, источниковая база и академическая значимость работы выбранных трудов российских историков. До введения политики гласности в конце 1980-х гг. наш журнал был почти единственным изданием в англоязычном мире для публикации работ советских историков. С 1992 г. ситуация изменилась в лучшую сторону: многие издательства и журналы предоставляют свои ресурсы для российских авторов; наш журнал перестал быть единственным. Но все же он играет важную роль в вопросе знакомства англоязычных историков с достижениями современной российской историографии: журнал проливает свет на новые темы, актуальные вопросы, подходы и источники в российской историографии.

Рассматривая различные темы, представленные в выпусках журнала, настоящая статья имеет своей целью показать читателю, как оценивают англоязычные историки работы своих российских коллег. Для обзора я выбрал несколько тем постсоветской историографии: либеральная и консервативная идеологии на рубеже XX в.; дореволюционные партии и политики; Первая мировая война; религия в имперской и советской России; региональная история; массовая культура в сталинский и постсталинский периоды; а также изучение процесса формирования исторической памяти.

Ход и результаты исследования. По общепринятому и в России, и на Западе взгляду, почва российской политической культуры была скудна для ростков либерализма. По сравнению с огромным массивом работ о государственных учреждениях, рабочих, крестьянах историография русского либерализма относительно бедна. Для выпуска, посвященного русскому либерализму, я выбрал труды двух знаменитых ученых, В. В. Шелохаева и А. Н. Медушевского¹.

Шелохаев известен у нас как исследователь политических партий дореволюционной России, особенно ценны его работы по истории партии кадетов. По мнению Шелохаева, лучшие представители отечественной либеральной традиции не допускали некритического заимствования политических идей с Запада. Он отмечает, что после распада Советского Союза (и даже за несколько лет до распада, т. е. в период перестройки), историки начали переосмысливать историю либеральной мысли в России².

¹ Russian liberalism / ed. by Joseph Bradley // Russian Studies in History. Winter 1998/1999. Vol. 37. № 3.

² Шелохаев В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–41.

Медушевский — автор работ о русской политической мысли, в частности по истории русских конституционных проектов. Эти проекты показывают развитие конституционных идей и сводятся в основном к русскому варианту конституционной монархии. Во многих странах Европы конституции были октроированными, т. е. дарованными народу монархом, отнюдь не являясь договором между монархом и народом. Медушевский считает, что самые влиятельные русские конституционные проекты были не «ненаписанной конституцией» Великобритании, не «договорами» французских или американских вариантов народного представительства, а лишь переработанными проектами немецких юристов и конституций немецких государств³.

А. С. Туманова рассматривает либерализм как попытки расширить сферу деятельности русских подданных, иначе говоря, создать условия для развития гражданского общества. В ряде книг и статей, Туманова исследует процесс самоорганизации российского общества, благодаря которому русские подданные стали гражданами, как я сам сформулировал в одной из моих статей. Путем изучения документов министерств, государственных комиссий, отчетов губернаторов, воспоминаний и периодической печати Туманова исследует попытки реализовать право на свободу союзов и собраний после революции 1905 г. Ее работа ценна тем, что показывает различные подходы и мнения высших чиновников, политической полиции и местных властей. Несмотря на отсутствие закона о союзах и собраниях (Правила 4 марта 1906 г. были временными), только в 1906–1909 гг. было создано более 5000 различных обществ. Участвуя во многих общественных, научных, благотворительных, творческих организациях, русские приобрели опыт, так сказать, в управлении собой. Этот опыт во многом помог в налаживании работы тыла во время Первой мировой войны. Однако, как доказывает Туманова, чиновники стремились сохранить государственный надзор над общественной инициативой и препятствовали проявлению подлинной политической свободы, утверждая, как и везде утверждают консерваторы, что народ не готов к свободе. Вопреки отсутствию политической свободы негосударственные организации способствовали развитию общественной жизни и создали пространство для общественной самодеятельности при самодержавии⁴.

Литература о гражданском обществе обычно предлагает либеральную модель политической культуры — правовое государство, отделение церкви от государства, народное представительство, гражданские права и ограничение власти монарха. Но далеко не все представители гражданского общества в России разделяли такие политические ценности.

За последние тридцать лет заметно обогатилась историография на тему правых в позднеимперской России, и один выпуск нашего журнала был посвящен

³ Медушевский А. Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 3–23.

⁴ См. например: Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; *Ее же*. Общественные организации России: правовое положение, 1860–1930-е гг. М., 2019.

этой проблеме⁵. Анализируя количественный рост правых в годы революции 1905 г., А. А. Иванов утверждает, что национализм со стороны монархистов был не столько «этническим», сколько политическим, являясь в первую очередь защитой русских традиций и ценностей, выраженных формулой «православие, самодержавие, народность». По его мнению, еврейские погромы были направлены не против евреев как народа, а против революционного насилия, осуществляемого партиями, в которых евреи играли заметную роль⁶. И. В. Омелянчук также рассматривает отношение правых к народному представительству, замечая, что всякое представительное законодательное учреждение воспринималось монархистами как чуждое русской политической традиции. В связи с этим крайние правые стремились к роспуску Думу или хотя бы превращению ее в законодательное учреждение. При этом Омелянчук указывает на неловкое положение, в котором оказались правые после 1905 г.: монарх, повиноваться которому они считали своим долгом, создал Государственную думу, реализовавшую принцип парламентаризма, который правые отрицали. Поэтому монархисты-черносотенцы вынуждены были признать законодательный парламент (Государственную думу), а все силы направить на то, чтобы в рамках существующего народного представительства обеспечить лояльность депутатского корпуса к самодержавию⁷. В другой статье Омелянчук рассматривает политику правых партий в отношении пролетариата, а также степень популярности монархической идеологии среди русских рабочих. Он приходит к выводу, что господствовавшее ранее мнение о том, что в рабочей среде поддержка монархических идей была незначительной, не находит подтверждений в источниках⁸. И. В. Нарский в одной из своих статей, применяя методологию постструктурализма, исследует символику и ритуалы, с помощью которых правые рекрутировали сторонников в низших слоях населения⁹. Но, как доказывает Омелянчук, многочисленные рабочие отделы Союза русского народа в итоге все же проиграли в конкурентной борьбе социалистическим партиям, обещавшим мгновенные позитивные изменения в случае их победы, и не могли противостоять общему дрейфу влево всего русского общества¹⁰.

Один из пионеров изучения правых — С. А. Степанов (первое издание его книги о черносотенцах вышло в 1992 г.) — объясняет крах правого

⁵ Rehabilitating the political right of Late-Imperial Russia / ed. by Joseph Bradley // *Russian Studies in History*. 2021. Vol. 59. № 1–2.

⁶ *Иванов А. А.* Русские правые в 1906–1916 гг.: взаимоотношения с властью и обществом, рецепты сохранения монархического строя // *Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916* / ред. А. А. Миллер, К. А. Соловьев. М., 2021, С. 142–174.

⁷ *Омелянчук И. В.* Парламентаризм в идеологии российских консерваторов начала XX в. // *Вопросы истории*. 2015. № 2. С. 13–35.

⁸ *Омелянчук И. В.* Рабочий вопрос в идеологии российских консерваторов начала XX в. // *Вопросы истории*. 2010. № 3. С. 22–37.

⁹ *Нарский И. В.* Социальный национализм? Язык символов и ритуалов в отделах Союза русского народа на Урале в 1905–1914 гг. // *Пути России: Новый старый порядок — вечное возвращение?* М., 2016.

¹⁰ *Омелянчук И. В.* Рабочий вопрос в идеологии российских консерваторов начала XX в.

движения в 1917 г. тем, что монархисты были зависимы от самодержавия, которое они стремились защищать; когда же самодержавие было свергнуто, правые потеряли свой *raison d'être* (цель существования)¹¹. В этом аспекте значительный интерес представляет обобщающая статья Омелянчука, посвященная истории правого движения «Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе»¹². В этой работе он рассматривает зарождение, эволюцию и крах правого движения, особое внимание уделяя причинам последнего. Омелянчук подчеркивает, что уход правых с политической сцены обусловлен как внутренними (раздоры внутри монархического лагеря, финансовые трудности, пассивность партийных масс, обусловленная патриархальной политической культурой), так и внешними факторами, среди которых в первую очередь следует выделить позицию правительства П. А. Столыпина, дистанцировавшегося от проправительственных партий (*sic!*), и информационное давление на правых, предпринятое оппозицией в годы Первой мировой войны¹³.

Иванов, анализируя причины поражения монархических партий, обращает внимание на пессимистические, порой пророческие, апокалиптические высказывания правых в последний период существования монархии. Он исследует взгляды В. М. Пуришкевича, В. В. Шульгина, Н. Е. Маркова 2-го и Б. В. Никольского, которые для спасения монархии предлагали чрезвычайные меры, в том числе роспуск Государственной думы, закрытие левых и либеральных газет, объявление военного положения и изменение Основных законов. Однако самодержавие не прислушалось к их советам¹⁴.

Многие англоязычные историки уделяли внимание кризису самодержавия в последние годы царской России. Например, А. Ашер (A. Ascher) является автором книги о революции 1905 г. и биографии Петра Столыпина. В редактируемом А. Ашером выпуске журнала, посвященном П. А. Столыпину, он сравнивает подходы к изучению деятельности этого политика советских и постсоветских историков¹⁵. Американский исследователь отмечает значительное увеличение количества работ, посвященных Столыпину после 1991 г. В отличие от советских, современные российские историки в основном положительно относятся к Столыпину. Например, А. Н. Медушевский считает, что его реформы являлись революцией сверху, единственным успешным видом революций в России. Российский историк положительно оценивает энергичную борьбу

¹¹ Степанов С. А. Черносотенцы в период Февральской революции 1917 г. // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: материалы 15-й Международной конференции. М., 2018. С. 797–803. URL: <https://bookonlime.ru/node/1760/> (дата обращения: 03.12.2022).

¹² Омелянчук И. В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 3–21.

¹³ Там же. С. 21.

¹⁴ Иванов И. И. Черная сотня сгинула в подполье: русские правые и революция 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 42–59.

¹⁵ How historians in Putin's Russia view prime minister P. A. Stolypin / ed. by Abraham Ascher // Russian Studies in History. 2014. Vol. 53. № 2.

премьер-министра против террора и левого радикализма для водворения в стране законности и порядка. По мнению Медушевского, Столыпин проводил модель модернизации, которая объединяла рыночную экономику с авторитарной политической системой, иначе говоря, нелиберальной демократией¹⁶. Ашер высоко оценивает и работу В. В. Шелохаева, доказывающего, что Столыпин стремился к политической стабильности, экономическому развитию, свободе совести и национальному единству. Не по вине Столыпина его реформы, как считает историк, не принесли ожидаемого результата, поэтому ответственность за последовавшую русскую революцию лежит не на нем¹⁷. Ашер замечает, что положительная оценка современными российскими историками деятельности Столыпина является закономерным следствием переосмысления истории после распада Советского Союза. Следует отметить, что в современной историографии сохраняется и критическое отношение к бывшему премьер-министру Российской империи. Например И. В. Омелянчук, рассматривая деятельность П. А. Столыпина сквозь призму его взаимоотношений с правыми партиями, приходит к выводу, что ослабление монархистов стало следствием целенаправленной деятельности этого политика, вследствие чего самодержавие осталось без поддержки снизу в судьбоносном для него 1917 г.¹⁸

Редактор еще одного выпуска «Russian Studies in History», посвященного парламенту и политическому процессу в России в 1905–1917 гг., английский историк П. Вальдрон (P. Waldron) отмечает, что в отличие от Медушевского и Шелохаева, значительная часть российских историков весьма скептически оценивает Государственную думу и ее отношения с государственной бюрократией¹⁹. Так, в работе Г. М. Кропоткина, опубликованной в этом выпуске, говорится о том, что после 1905 г. высшая бюрократическая элита в своем отношении к Думе не изменила традиционной модели своего поведения, почему и не могла провести политическую модернизацию²⁰. Но, как показывает В. А. Демин, не одна высшая бюрократия виновата в этом. В самой Думе политические партии очень враждебно относились и друг к другу, и к правительству, даже не пытаясь достичь компромисса по ключевым вопросам политической жизни страны. Да и Госсовет чаще всего тормозил реформы²¹. Статьи Кропоткина и Демина, по мнению П. Вальдрона, поддерживают пессимистический взгляд на политическую судьбу России после 1905 г.

¹⁶ Медушевский А. Н. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа // Российская история. 2012. № 2. С. 3–18.

¹⁷ Шелохаев В. В. Столыпинский тип модернизации России // Российская история. 2012. № 2. С. 18–36.

¹⁸ Омелянчук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 62–76.

¹⁹ Parliament and politics, 1905–1917 / ed. by Peter Waldron // Russian Studies in History. 2008. Vol. 46. № 4.

²⁰ Кропоткин Г. М. Правящая бюрократия и «новый строй» российской государственности после манифеста 17 октября 1905 года // Отечественная история. 2006. № 1. С. 24–42.

²¹ Демин В. А. Фракции II Государственной думы // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 25–41.

Для выпуска журнала о губернаторах и о местном управлении, американский историк Р. Роббинс (R. Robbins) выбрал статьи историков С. В. Любичанковско-го, В. В. Куликова и А. С. Тумановой²². Любичанковский подвергает сомнению миф о том, что губернаторы были хозяевами своих губерний. Наоборот, судя по утверждениям различных царских чиновников, губернаторская власть была ограничена целым рядом местных структур и традиций²³. Туманова в работе о тамбовском губернаторе Н. П. Муратове частично не соглашается с этим мнением, но все же признает, что лидеры местного дворянства, чиновники и присоединившиеся к ним земские деятели сумели ограничить произвол губернатора и даже добились его удаления из губернии²⁴. Куликов, рассматривая вопрос об отношениях между земством и губернской администрацией, опровергает устоявшееся мнение о том, что контрреформы 1890 г. существенно ограничили самостоятельность земских учреждений²⁵. Наоборот, утверждает он, последствия контрреформы были положительными создав то, что сегодня, называют вертикаль власти. По мнению Р. Роббинса, в последние 20 лет в России заметен настоящий бум в изучении местного управления. Главную роль в этом процессе играют региональные историки, рассматривающие проблему на основании местных архивов и источников и не с точки зрения центра, как в большинстве предыдущих работ, а с точки зрения местных учреждений.

Долгое время история Первой мировой войны была в тени истории русской революции. За последние 20 лет ситуация изменилась и здесь. Наш журнал не остался в стороне и несколько его выпусков были также посвящены проблемам изучения Первой мировой войны. Один из них редактировался Дж. Бушнеллом (John Bushnell), который высоко оценил работы, исследовавшие отношение к войне со стороны солдат и крестьян в деревне²⁶. А. В. Посадский использует местные полицейские и судебные архивы для объяснения эксцессов, вызванных мобилизацией²⁷. А. Б. Асташов на основании материалов военной цензуры утверждает, что быстро ухудшающиеся условия в тылу, скорее чем события на фронте, подрывали боевой дух армии²⁸. К. В. Самохин, используя сведения полиции о настроениях в Тамбовской губернии, приходит

²² *Governors, provincial administration, and local self-government in Late Imperial Russia* / ed. by Richard Robbins // *Russian Studies in History*. 2014–2015. Vol. 53. № 3.

²³ *Любичанковский С. В.* Миф о власти и власть мифа: был ли российский губернатор полноценным хозяином губерний? // *Родина*. 2007. № 1. С. 11–15.

²⁴ *Туманова А. С.* Консерватор во власти: Губернатор Н. П. Муратов // *Отечественная история*. 2003. № 3. С. 103–113.

²⁵ *Куликов В. В.* Местное самоуправление и административный надзор: исторический опыт земства // *Журнал российского права*. 2000. № 9. С. 142–153.

²⁶ *Russian peasants and soldiers during World War I: Home and front interacting* / ed. by John Bushnell // *Russian Studies in History*. 2017. Vol. 56. № 2.

²⁷ *Посадский А. В.* Всеобщая мобилизация русской армии в 1914 году и крестьянство // *Россия в XX веке: Реформы и революции*. М., 2002. Т. 1. С. 529–542.

²⁸ *Асташов А. Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // *Отечественная история*. 2003. № 2. С. 72–86.

к иному выводу, утверждая, что на эмоциональный настрой жителей деревни большое влияние оказывали известия с фронта. Он также указывает на заметное уменьшение авторитета династии Романовых в глазах крестьян²⁹. В. Б. Аксенов, привлекая судебные дела об оскорблениях царской семьи и о распространении слухов, доказывает, что монархические настроения крестьянства в ходе войны существенно ослабли³⁰. И хотя эти выводы не поражают своей новизной, Бушнелл полагает, что привлечение новых источников, отражающих ситуацию на местах, безусловно, вносят свой вклад в исследование проблемы и углубляют наше понимание об отношениях между крестьянством и властью в период Первой мировой войны.

Редактор другого номера журнала Д. Санборн (Joshua Sanborn) отметил использование современными российскими историками ранее не востребованных местных источников и сравнительного подхода в своих исследованиях³¹. С его точки зрения, И. В. Нарский успешно оспаривает мнение об отсталости русского солдата, доказывая, что его отношение к войне очень похоже на отношение солдат более «передовых» стран³². Санборн высоко оценивает работу С. В. Казаковцева о благотворительности в Вятской губернии. Российский историк опровергает устоявшееся мнение о том, что население, в особенности общественные организации, были не способны оказать помощь фронту³³.

И Бушнелл, и Санборн полагают, что работы перечисленных выше авторов представляют собой новую генерацию исследований по истории Первой мировой войны, успешно объединяющую военную и социальную историю, а также существенно расширяющую источниковую базу за счет местных материалов.

Начиная с 1990-х гг. в России наступает новый этап изучения религии и ее влияния на социально-политические процессы. Несколько выпусков нашего журнала было посвящено этой проблеме. Гостевым редактором двух выпусков была канадский историк Х. Колеман (Heather Coleman)³⁴. Она отмечает, что после распада Советского Союза и, что важнее, краха идеологии коммунизма, русские ученые начали привлекать новые источники, особенно в местных архивах, пытаясь переосмыслить роль религии в русском обществе. Колеман особо интересуют отношения на местах между прихожанами и священниками. В этом отношении, как полагает исследователь, необходимо

²⁹ Самохин К. В. Первая мировая война в восприятии тамбовских крестьян // Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). СПб., 2004. С. 85–95.

³⁰ Аксенов В. Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137–145.

³¹ Twenty-first century views of Russia's Great War effort / ed. by Joshua Sanborn // Russian Studies in History. 2013. Vol. 51. № 4.

³² Нарский В. В. Фронтовой опыт русских солдат 1914–1916 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 194–204.

³³ Казаковцев С. В. Благотворительность в Вятской губернии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 136–142.

³⁴ Priests and parishoners / ed. by Heather Coleman // Russian Studies in History. 2006. Vol. 44. № 4.

отметить работу В. А. Бердинских, который после трех поколений ученых, создававших идеологизированную историю религии, как бы открывает заново важную роль православного духовенства, представители которого выступали в самых разнообразных ипостасях (от педагогов до этнографов и хроникеров) в провинциальной жизни³⁵. Т. Г. Леонтьева на материалах Тверских архивов реконструирует менталитет поповичей, сформированный их опытом деревенской жизни и обучением в семинариях. Такое сочетание весьма часто приводило молодых священнослужителей в ряды оппозиции и даже революционных партий³⁶. А. В. Сушко, опираясь на официальные церковные источники и архивные материалы, исследует развитие духовного образования в России с XVIII в. вплоть до 1917 г.³⁷ Он приходит к выводу, что духовные семинарии играли более широкую общественную роль, чем просто подготовка священнослужителей. Они являлись самым доступным для низших слоев русского общества видом среднего образования, Многие выпускники семинарий сыграли заметную роль в культурной и политической жизни страны.

Колеман интересовали также работы российских историков по вопросу восприятия населением антирелигиозной политики советской власти в начальный период³⁸. По ее мнению, следует обратить внимание на работу Н. А. Кривовой о преследовании большевиками русской православной церкви³⁹. Автор этого исследования использовала беспрецедентное количество новых источников, в том числе из архивов ФСБ. Особое внимание уделено инциденту с изъятием церковных ценностей в Шуе в марте 1922 г. По мнению Колеман, Кривова убедительно доказывает, что конфискация ценностей у церкви якобы для голодающих на Волге на самом деле была попыткой посеять рознь между церковью и народом и обогатить государственную казну. Н. Б. Лебина⁴⁰ и И. Н. Донина⁴¹ в своих работах исследуют «бытовую» религию в 1920–1930-е гг. в Ленинграде. Они подчеркивают стремление власти заменить старые традиции и ценности новыми атеистическими нормами. Одним из результатов такого антирелигиозного похода стал рост напряженности в семейной жизни. Колеман подчеркивает,

³⁵ *Бердинских В. А.* Приходское духовенство России и развитие краеведения в XIX в. // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 134–138.

³⁶ *Леонтьева Т. Г.* Вера и бунт: духовенство в революционном обществе начала XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 29–43.

³⁷ *Сушко А. В.* Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 107–114.

³⁸ *The old faith and the new: Religion in early Soviet Russia / ed. by Heather Coleman // Russian Studies in History. 2007. Vol. 46. № 2.*

³⁹ *Кривова Н. А.* События в Шуе: поворот к наступлению на церковь // Власть и церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 53–74.

⁴⁰ *Лебина Н. Б.* Безбожный быт // Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930 годы. СПб., 2001. С. 120–144.

⁴¹ *Донина И. Н.* «Автобиографии безбожников» как вид массового источника по социальной психологии рубежа 1920–1930-х годов (По материалам рукописного отдела Государственного музея истории религии) // Клио: ежемесячный журнал для ученых. 1998. № 3. С. 58–66.

что, хотя источников по данной теме немного, исследования «бытовой» религии в рамках истории повседневности очень перспективны.

Западные историки отмечают, что исследования социологов, антропологов, этнографов могут удачно влиять на работу историков. В частности, Колеман выделяет работу М. М. Громыко и А. В. Буганова, в которой авторы, используя мемуары и местные архивы, пытаются найти потерянную в XX в. народную, или живую, религию в русском прошлом⁴² и доказывают, что русскость сохранилась только в русском крестьянстве.

От себя добавлю: поиск этнических и национальных особенностей предполагает некую неизменную сущность, исключительность, essentialism / exceptionalism. В США тоже есть очень влиятельная философская традиция американской исключительности. В известной степени все народы обладают некоторыми уникальными чертами своего менталитета, потому они и считаются отдельными народами. Однако в настоящее время американские историки ищут эти исключительные и неизменные черты того или иного этноса без особого рвения, уделяя главное внимание поиску глобальных, транснациональных, постоянно меняющихся характеристик, не без основания полагая, что исключительные черты являются просто мифом.

Достаточно успешно, по мнению американских историков, в России развивается изучение проблем местного самоуправления и региональной истории в целом. Так, историк С. Смит-Петер (S. Smith-Peter) рассматривает работы российских историков по истории местного дворянства⁴³. Тут сливаются два предмета — местная история и история дворянской жизни, включая историю дворянской усадьбы, а также два подхода — социальный и культурологический, включая историю ментальности. И. Н. Курочкина свою работу посвятила поведенческой культуре русского общества во второй половине XVIII в.⁴⁴ Она пришла к выводу, что столичные и местные дворяне придерживались одинакового кода поведения, изначально формируемого государством.

Значительный интерес представляет статья Е. Н. Мухиной «Человек толпы: Портрет губернского жандармского штаб-офицера эпохи Николая I», в которой рассматривается история царствования Николая I сквозь призму автобиографии одного человека — Эразма Стогова, начальника Охранного отделения Симбирской губернии в 1833–1837 гг.⁴⁵ Эта биография является своеобразным окном, через которое читатель может видеть не только карьеру чиновника, но и провинциальную жизнь, весьма сильно отличающуюся от столичной.

⁴² Громыко М. М., Буганов А. В. Посещение храма: Отношение к храму и священнику // О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 54–73.

⁴³ The Russian nobility and local society / ed. by Susan Smith-Peter // Russian Studies in History. 2003. Vol. 42. № 1.

⁴⁴ Курочкина И. Н. Формирование поведенческой культуры русского общества второй половины XVIII века // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 103–111.

⁴⁵ Мухина Е. Н. «Человек толпы» (Портрет губернского жандармского штаб-офицера эпохи Николая I) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2000. № 4. С. 44–61.

Для обозначенного выпуска журнала С. Смит-Петер выбрала статью И. М. Пушкаревой о дворянской усадьбе⁴⁶. По мнению американской исследовательницы, Пушкарева успешно связывает экономическое и физическое пространство усадьбы с политической, социальной и культурной жизнью провинции. Используя различные источники — рукописные воспоминания, письма, описи и другие документы усадебных архивов, — она реконструирует жизненный опыт всех обитателей усадьбы, проливая свет на забытые детали внутренней жизни местного дворянства.

После распада Советского Союза новое поколение российских историков вновь открывало для читателя местную историю. В рамках культурной истории они рассматривали не экономические структуры или общественные формации, не общее, а специфику, субъектность, личность рядового человека.

Американские историки всегда уделяли много внимания сталинской эпохе. В период холодной войны так называемая тоталитарная школа в американской историографии сформулировала общепринятую тогда интерпретацию сталинизма. Однако существовало и «ревизионистское» направление, представители которого в зависимости от собственных предпочтений сосредотачивали свое внимание либо на «альтернативе» сталинизму (например, Бухаринский вариант), либо на, так сказать, «сталинизме снизу». Лишь в 1990-е гг. произошел своеобразный культурный поворот и сталинизм стал своего рода «цивилизацией», включающей не только государственные репрессии, но и поддержку снизу, конформизм и многое другое, в том числе и массовую культуру.

Выпуск нашего журнала, посвященный истории массовой культуры, формировал К. Петроне (K. Petrone)⁴⁷. В своих работах Е. Ю. Иньшакова⁴⁸ и Н. Адаскина⁴⁹ опровергают общепринятое ранее мнение о том, что литературное направление социалистического реализма было создано исключительно под давлением государства в 1930-е гг., полагая, что корни этого течения появились еще до сталинской эпохи в результате синтеза элитной и массовой культур. М. Чегодаева настаивает на наличии сходства между советским массовым искусством и западной коммерческой культурой, находя отличие лишь в том, что первая производилась ради политической цели, а вторая — прибыли⁵⁰. В. Лебедева утверждает, что элементы советской массовой культуры, такие как водевиль и музыкальный театр, были меньше всего идеологизированы⁵¹. Таким

⁴⁶ *Пушкарева И. М.* Сельская дворянская усадьба в пореформенной России (К постановке проблемы) // Отечественная история. 1999. № 4. С. 14–31.

⁴⁷ *Soviet mass culture / ed. by Karen Petrone // Russian Studies in History. 2003. Vol. 42. № 2.*

⁴⁸ *Иньшакова Е. Ю.* На грани элитарной и массовой культуры (К осмыслению «игрового пространства» русского авангарда) // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 162–174.

⁴⁹ *Адаскина Н.* О двух пониманиях классики в советской художественной культуре // Искусствознание. 1998. № 1. С. 449–458.

⁵⁰ *Чегодаева М.* Массовая культура и социалистический реализм // Вопросы искусствознания. 1997. № 1. С. 115–125.

⁵¹ *Лебедева В. Г.* Тоталитарное и массовое в советской культуре 30-х гг. // Клио: ежемесячный журнал для ученых. 2000. № 1 (10). С. 152–162.

образом, массовая культура сталинской эпохи была вовсе не тоталитарной. К. Петроне высоко оценивает работы выбранных ею историков, заявивших о свободе выбора направлений культуры практически всеми группами населения, а не только политической элитой.

В другом выпуске журнала, посвященном советской массовой культуре, С. Рейд (S. Reid) представила ряд статей российских авторов на тему потребления и массовой культуры в пост-сталинский период⁵². На Западе изучение потребления вместе с изучением повседневности при социализме стало в последние годы очень перспективным не только среди историков, но и среди социологов, культурологов. Эта тенденция прослеживается сейчас и в России. Используемая при этом методология далека от канонов исторической науки и скорее похожа на ту, что применяется при изучении устной истории и культуры вещей. Рассматривая такие культурные явления хрущевской «оттепели», как джаз, кино, стилиаги, массовый отдых и т. п., Л. Брусиловская показывает, что все это подрывало канонические тоталитарные ценности и стили периода сталинизма⁵³.

Еще одним перспективным направлением в российской науке стало изучение исторической памяти, одним из питающих источников которого служит ностальгия о советском прошлом. Исследования в рамках этого направления показывают сложные, часто противоречивые процессы формирования исторической памяти — официальное и неофициальное, коллективное и индивидуальное, профессиональное и любительское — в поиске так называемого «полезного прошлого». Несколько таких работ стараниями редактора Ф. Корни (Fred Corney) и попали в наш журнал⁵⁴.

Л. Репина, придерживающаяся постмодернистского подхода к изучению памяти в своей статье по этой проблеме⁵⁵ полагает, что вопросы, которые мы задаем о прошлом, формируются в контексте настоящего. Память не только способ доступа к индивидуальному или коллективному прошлому, но и играет ключевую роль в формировании индивидуальной и коллективной идентичности, опирающейся в том числе и на мифы о прошлом, в создании которых историки принимают активное участие.

П. Гришанин применяет такую методологию при изучении Гражданской войны⁵⁶, которую он рассматривает не как цепочку событий, а скорее как риторическое поле сражения о значении этих событий. Самым широким таким риторическим полем сражения является, безусловно, Великая Отечественная

⁵² Consumption and everyday culture after Stalin / ed. by Susan Reid // Russian Studies in History. 2009. Vol. 48. № 1.

⁵³ Брусиловская Л. Б. Культура повседневности в эпоху оттепели (метаморфозы стиля) // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 163–174.

⁵⁴ Interrogating the past in modern Russia: The promise and peril of historical memory studies / ed. by Fred Corney // Russian Studies in History. 2010. Vol. 49. № 14.

⁵⁵ Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39–51.

⁵⁶ Гришанин П. И. Белое движение и гражданская война: историческая феноменология и историческая память // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 167–172.

война. Социолог Ж. Тощенко, историки А. и Е. Сеньявские показывают, как потребности настоящего диктуют интерпретацию прошлого, в особенности это касается Великой Отечественной войны. Тощенко, используя опросы и интервью участников ВОВ, сделанные в 1990-х гг., когда все советское прошлое подвергалось огульной критике, доказывает, что неофициальная память о войне у граждан была правдивее, чище и патриотичнее, чем официальная, критическая память⁵⁷. Сеньявские даже выражают опасение, что отрицательная интерпретация советского прошлого угрожает национальной безопасности и русской государственности в настоящем⁵⁸. Тяжелые события XX в. (Октябрьская революция, Гражданская и Великая Отечественная войны), по мнению Сеньявских, являются историческими истинами, атакуемыми Западом и оппозиционно-настроенными элитами в России.

Авторов с другими подходами и целями выбрал молодой американский историк А. Пэри (A. Peri) для выпуска, посвященного памяти о Великой Отечественной войне⁵⁹. О. Будницкий рассматривает историческую память об Отечественной войне 1812 г. в период Великой Отечественной⁶⁰. Статья Е. Болтуновой, по мнению А. Пэри, представляет собой новаторский обзор вопроса о том, почему память о Великой Отечественной стала доминирующим тропом советской памяти, отодвинув на второй план даже память об Октябрьской революции⁶¹. Т. Воронина в своей работе сравнивает советскую и постсоветскую память о блокаде Ленинграда, приходя к выводу, что ее фокус сместился с жертвенности на героизм⁶². В статье С. Антоненко⁶³ рассмотрена роль позиционирующей себя жертвой советской власти РПЦ в формировании памяти о войне, отмечены ее претензии на новую и, заметим, достаточно авторитарную политическую роль в постсоветской России. П. Баратов исследует влияние цифрового меди- и игрового пространства на формирование памяти о Второй мировой войне в современной России⁶⁴.

⁵⁷ Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.

⁵⁸ Сеньявский А. С., Сеньявская Е. С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139–151.

⁵⁹ В настоящее время этот номер готовится к печати.

⁶⁰ Будницкий О. В. История войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 годов // Российская история. 2012. № 6. С. 157–169.

⁶¹ Болтунова Е. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 109–128.

⁶² Воронина Т. Ю. О старом по-старому: блокада Ленинграда в литературе эпохи перемен // Новое литературное обозрение. 2016. № 1. С. 206–231.

⁶³ Антоненко С. Юбилей победы в жизни Русской Православной Церкви и российских конфессий // Победа-70: Реконструкция юбилея / ред. Е. М. Бордюгов. 2015. С. 225–268.

⁶⁴ Баратов П. Пользователь и праздник: интернет-пространство и компьютерные игры в «любительском формате» // Победа-70: Реконструкция юбилея / ред. Е. М. Бордюгов. 2015. С. 192–224.

Заключение. Таким образом за последние тридцать лет российские историки открыли для себя целый ряд новых проблем и направлений исторической науки. В настоящей статье представлен беглый обзор только некоторых из них. Современные российские историки по-новому разработали целый ряд проблем политической истории, получив результаты в корне отличающиеся от доставшихся в наследие от советской исторической науки. В первую очередь к ним надо отнести изучение политических партий, ранее проводившееся в рамках жесткой марксистской методологии. Кроме того, российские историки обращались к региональной (местной) истории, истории дворян, крестьян, священников. Но делали это уже не с точки зрения центра, как это было в советскую эпоху, а с точки зрения местной жизни. Такие исследования опирались на новые методы исследования ранее невосребованный массив местных источников, отложившихся в региональных архивах. Эти работы, носящие, как правило, междисциплинарный характер, успешно объединяют методологию политической, социальной, экономической и культурной истории. Культурная антропология концентрирует внимание не на общем, а на конкретном, не на структурах и формациях, а на рядовом человеке. В России такие работы представили лучшее понимание бытовой религии, поведения крестьян и солдат во время войны, пространства местной дворянской жизни, массовой культуры советского периода, исторической памяти и т. д. Продолжение такого рода исследований мне кажется очень перспективным.

Литература

1. Адашкина Н. О двух пониманиях классики в советской художественной культуре // Искусствознание. 1998. № 1. С. 449–458.
2. Аксенов В. Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137–145.
3. Антоненко С. Юбилей победы в жизни Русской Православной Церкви и российских конфессий // Победа-70: Реконструкция юбилея: сборник / ред. Е. М. Бордюгов. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 225–268.
4. Асташов А. Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86.
5. Баратов П. Пользователь и праздник: интернет-пространство и компьютерные игры в «любительском формате» // Победа-70: Реконструкция юбилея: сборник / ред. Е. М. Бордюгов. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 192–224.
6. Бердинских В. А. Приходское духовенство России и развитие краеведения в XIX в. // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 134–138.
7. Болтунова Е. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 109–128.
8. Брусиловская Л. Б. Культура повседневности в эпоху оттепели (метаморфозы стиля) // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 163–174.
9. Будницкий О. В. История войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 годов // Российская история. 2012. № 6. С. 157–169.

10. Воронина Т. Ю. О старом по-старому: блокада Ленинграда в литературе эпохи перемен // Новое литературное обозрение. 2016. № 1. С. 206–231.
11. Гришанин П. И. Белое движение и гражданская война: историческая феноменология и историческая память // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 167–172.
12. Громько М. М., Буганов А. В. Посещение храма. Отношение к храму и священнику // Громько М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа: монография. М.: Паломник, 2000. С. 54–73.
13. Демин В. А. Фракции II Государственной думы // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 25–41.
14. Донина И. Н. «Автобиографии безбожников» как вид массового источника по социальной психологии рубежа 1920–1930-х годов (По материалам рукописного отдела Государственного музея истории религии) // Клио: ежемесячный журнал для ученых. 1998. № 3. С. 58–66.
15. Иванов А. А. Русские правые в 1906–1916 гг.: взаимоотношения с властью и обществом, рецепты сохранения монархического строя // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916 / ред. А. А. Миллер, К. А. Соловьев. М.: Квадрига, 2021, С. 142–174.
16. Иванов И. И. Черная сотня сгинула в подполье: русские правые и революция 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 42–59.
17. Иньшакова Е. Ю. На грани элитарной и массовой культуры (К осмыслению «игрового пространства» русского авангарда // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 162–174.
18. Казаковцев С. В. Благотворительность в Вятской губернии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 136–142.
19. Кривова Н. А. События в Шуе: поворот к наступлению на церковь // Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства: монография. М.: АИРО-XX, 1997. С. 53–74.
20. Кропоткин Г. М. Правящая бюрократия и «новый строй» российской государственности после манифеста 17 октября 1905 года // Отечественная история. 2006. № 1. С. 24–42.
21. Куликов В. В. Местное самоуправление и административный надзор: исторический опыт земства // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 142–153.
22. Курочкина И. Н. Формирование поведенческой культуры русского общества второй половины XVIII века // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 103–111.
23. Лебедева В. Г. Тоталитарное и массовое в советской культуре 30-х гг. // Клио: ежемесячный журнал для ученых. 2000. № 1 (10). С. 152–162.
24. Лебина Н. Б. Безбожный быт // Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930 годы. СПб.: Журнал «Нева»: Летний Сад, 2001. С. 120–144.
25. Леонтьева Т. Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе начала XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 29–43.
26. Любичанковский С. В. Миф о власти и власть мифа: был ли Российский губернатор полноценным хозяином губернии? // Родина. 2007. № 1. С. 11–15.
27. Медушевский А. Н. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа // Российская история. 2012. № 2. С. 3–18.

28. Медушевский А. Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 3–23.
29. Мухина Е. Н. «Человек толпы» (Портрет губернского жандармского штаб-офицера эпохи Николая I) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2000. № 4. С. 44–61.
30. Нарский И. В. Социальный национализм? Язык символов и ритуалов в отделах Союза русского народа на Урале в 1905–1914 гг. // Пути России: Новый старый порядок — вечное возвращение?: [XXI международный симпозиум, 21–22 марта 2014 г.: сборник статей] / [общ. ред.: М. Г. Пугачева, А. Ф. Филиппов]. М.: НЛЮ, 2016. С. 222–230.
31. Нарский В. В. Фронтовой опыт русских солдат 1914–1916 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 194–204.
32. Омелянчук И. В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 3–21.
33. Омелянчук И. В. Парламентаризм в идеологии российских консерваторов начала XX в. // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 13–35.
34. Омелянчук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 62–76.
35. Омелянчук И. В. Рабочий вопрос в идеологии российских консерваторов начала XX в. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 22–37.
36. Посадский А. В. Всеобщая мобилизация русской армии в 1914 году и крестьянство: по материалам Саратовской губернии // Россия в XX веке: Реформы и революции: материалы Международной научной конференции (апрель 2001 г.) / общ. ред. Г. Н. Севостьянов: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 2002. С. 529–542.
37. Пушкарева И. М. Сельская дворянская усадьба в пореформенной России (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1999. № 4. С. 14–31.
38. Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39–51.
39. Самохин К. В. Первая мировая война в восприятии тамбовских крестьян // Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). СПб. 2004. С. 85–95.
40. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139–151.
41. Степанов С. А. Черносотенцы в период Февральской революции 1917 г. // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: материалы 15-й Международной конференции «Государственное управление в XXI веке» (Москва, 25 мая 2017 г.). М.: КДУ; Университетская книга, 2018. С. 797–803. URL: <https://bookonline.ru/node/1760/> (дата обращения: 03.12.2022).
42. Сушко А. В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 107–114.
43. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.
44. Туманова А. С. Консерватор во власти: Губернатор Н. П. Муратов // Отечественная история. 2003. № 3. С. 103–113.
45. Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 328 с.

46. Туманова А. С. Общественные организации России: правовое положение, 1860–1930-е гг. М.: Проспект, 2019. 480 с.
47. Чегодаева М. Массовая культура и социалистический реализм // Вопросы искусствознания. 1997. № 1. С. 115–125.
48. Шелохаев В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–41.
49. Шелохаев В. В. Столыпинский тип модернизации России // Российская история. 2012. № 2. С. 18–36.

References

1. Adaskina N. O dvukh ponimaniikh klassiki v sovetskoi khudozhestvennoi kul'ture [On two understandings of the classics in Soviet artistic culture] // Iskusstvoznanie. 1998. № 1. P. 449–458. (In Russ.).
2. Aksenov V. B. Voina i vlast' v massovom soznanii krest'ian v 1914–1917 godakh: arkhetypy, slukhi, interpretatsii [War and power in the mass consciousness of peasants in 1914–1917: archetypes, rumors, interpretations] // Rossiiskaia istoriia. 2012. № 4. P. 137–145. (In Russ.).
3. Antonenko S. Iubilei pobedy v zhizni Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i rossiiskikh konfessii [Victory anniversary in the life of the Russian Orthodox Church and Russian confessions] // Pobeda-70: Rekonstruktsiia iubileia: sbornik / red. E. M. Bordiugov. Moscow: AIRO-XXI, 2015. P. 225–268. (In Russ.).
4. Astashov A. B. Russkii krest'ianin na frontakh Pervoi mirovoi voiny [Russian peasant on the fronts of the First World War] // Otechestvennaia istoriia. 2003. № 2. P. 72–86. (In Russ.).
5. Baratov P. Pol'zovatel' i prazdnik: internet-prostranstvo i komp'iuternye igry v «liubitel'nom формате» [User and holiday: Internet space and computer games in an “amateur format”] // Pobeda-70: Rekonstruktsiia iubileia: sbornik / red. E. M. Bordiugov. Moscow: AIRO-XXI, 2015. P. 192–224. (In Russ.).
6. Berdinskikh V. A. Prikhodskoe dukhovenstvo Rossii i razvitie kraevedeniia v XIX v. [The parish clergy of Russia and the development of local history in the 19th century] // Voprosy istorii. 1998. № 10. P. 134–138. (In Russ.).
7. Boltunova E. «Prishla beda, otkuda ne zhdali»: kak voina poglotila revoliutsiiu [“The trouble came from where they did not expect”: how the war swallowed up the revolution] // Neprikosnovennyi zapas. 2017. № 6. P. 109–128. (In Russ.).
8. Brusilovskaia L. B. Kul'tura povsednevnosti v epokhu ottepeli (metamorfozy stilia) [The culture of everyday life in the era of the thaw (metamorphoses of style)] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 1. P. 163–174. (In Russ.).
9. Budnitskii O. V. Istoriia voiny s Napoleonom v sovetskoi propagande 1941–1945 godov [History of the war with Napoleon in Soviet propaganda 1941–1945] // Rossiiskaia istoriia. 2012. № 6. P. 157–169. (In Russ.).
10. Voronina T. Iu. O starom po-staromu: blokada Leningrada v literature epokhi pere-men [About the old in the old way: the blockade of Leningrad in the literature of the era of change] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. № 1. P. 206–231. (In Russ.).
11. Grishanin P. I. Beloe dvizhenie i grazhdanskaia voina: istoricheskaiia fenomenologiia i istoricheskaiia pamiat' [The White Movement and the Civil War: historical phenomenology and historical memory] // Voprosy istorii. 2008. № 2. P. 167–172. (In Russ.).

12. Gromyko M. M., Buganov A. V. Poseshchenie khrama. Otnoshenie k khramu i sviashchenniku [Going to the temple: relationship to the temple and the priest] // Gromyko M. M., Buganov A. V. O vozzreniiakh russkogo naroda: monografiia. Moscow: Palomnik, 2000. P. 54–73. (In Russ.).
13. Demin V. A. Fraktsii II Gosudarstvennoi dumy [Factions of the Second State Duma] // Voprosy istorii. 2006. № 10. P. 25–41. (In Russ.).
14. Donina I. N. «Avtobiografii bezbozhnikov» kak vid massovogo istochnika po sotsial'noi psikhologii rubezha 1920–1930-kh godov (Po materialam rukopisnogo otdela Gosudarstvennogo muzeia istorii religii) [“Autobiographies of atheists” as a type of mass source on social psychology at the turn of the 1920s – 1930s (Based on the materials of the manuscript department of the State Museum of the History of Religion)] // Klio: ezhemesiachnyi zhurnal dlia uchenykh. 1998. № 3. P. 58–66. (In Russ.).
15. Ivanov A. A. Russkie pravye v 1906–1916 gg.: vzaimootnosheniia s vlast'iu i obshchestvom, retsepty sokhraneniia monarkhicheskogo stroia [Russian right-wingers in 1906–1916: relations with the authorities and society, recipes for the preservation of the monarchical system] // Rossiiskaia imperiia mezhdru reformami i revoliutsiiami, 1906–1916 / red. A. A. Miller, K. A. Solov'ev. Moscow: Kvadruga, 2021. P. 142–174. (In Russ.).
16. Ivanov I. I. Chernaia sotnia sginula v podpol'e: russkie pravye i revoliutsiia 1917 g. [The Black Hundreds gone underground: The Russian right and the Revolution of 1917] // Rossiiskaia istoriia. 2017. № 2. P. 42–59. (In Russ.).
17. In'shakova E. Iu. Na grani elitarnoi i massovoi kul'tury (K osmysleniiu «igrovogo prostranstva» russkogo avangarda [On the verge of elite and mass culture (On understanding the “playing space” of the Russian avant-garde)] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2001. № 1. P. 162–174. (In Russ.).
18. Kazakovtsev S. V. Blagotvoritel'nost' v Viatskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny [Charity in the Vyatka province during the First World War] // Voprosy istorii. 2008. № 7. P. 136–142. (In Russ.).
19. Krivova N. A. Sobytiia v Shue: povорот k nastupleniiu na tserkov' [Events in Shuya: turn to attack the church] // Krivova N. A. Vlast' i tserkov' v 1922–1925 gg.: Politbiuro i GPU v bor'be za tserkovnye tsennosti i politicheskoe podchinenie dukhovenstva: monografiia. Moscow: AIRO-XX, 1997. P. 53–74. (In Russ.).
20. Kropotkin G. M. Praviashchaia biurokратиia i «novyi stroi» rossiiskoi gosudarstvennosti posle manifesta 17 oktiabria 1905 goda [The ruling bureaucracy and the “new system” of Russian statehood after the manifesto of October 17, 1905] // Otechestvennaia istoriia. 2006. № 1. P. 24–42. (In Russ.).
21. Kulikov V. V. Mestnoe samoupravlenie i administrativnyi nadzor: istoricheskii opyt zemstva [Local self-government and administrative supervision: the historical experience of the Zemstvo] // Zhurnal rossiiskogo prava. 2000. № 9. P. 142–153. (In Russ.).
22. Kurochkina I. N. Formirovanie povedencheskoi kul'tury russkogo obshchestva vtoroi poloviny XVIII veka [Formation of the behavioral culture of Russian society in the second half of the 18th century] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1999. № 2. P. 103–111. (In Russ.).
23. Lebedeva V. G. Totalitarnoe i massovoe v sovetskoi kul'ture 30-kh gg. [Totalitarian and mass in the Soviet culture of the 30s] // Klio: ezhemesiachnyi zhurnal dlia uchenykh. 2000. № 1 (10). P. 152–162. (In Russ.).

24. Lebina N. B. Bezbozhnyi byt [Godless life] // Lebina N. B. Povsednevnaia zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii, 1920–1930 gody. St. Petersburg: Zhurnal «Neva»: Letnii Sad, 2001. P. 120–144. (In Russ.).
25. Leont'eva T. G. Vera i bunt: dukhovenstvo v revoliutsionnom obshchestve nachala XX veka [Faith and rebellion: the clergy in the revolutionary society of the early XXth century] // Voprosy istorii. 2001. № 1. P. 29–43. (In Russ.).
26. Liubichankovskii S. V. Mif o vlasti i vlast' mifa: byl li Rossiiskii gubernator polnotsennym khoziainom gubernii? [The myth of power and the power of myth: was the Russian governor a full-fledged master of the province?] // Rodina. 2007. № 1. P. 11–15. (In Russ.).
27. Medushevskii A. N. Kak vyiti iz revoliutsii: strategiiia preodoleniia sotsial'nogo krizisa v obshchestvakh perekhodnogo tipa [How to get out of the revolution: a strategy for overcoming the social crisis in transitional societies] // Rossiiskaia istoriia. 2012. № 2. P. 3–18. (In Russ.).
28. Medushevskii A. N. Konstitutsionnye proekty russkogo liberalizma i ego politicheskaia strategiiia [Constitutional projects of Russian liberalism and its political strategy] // Voprosy istorii. 1996. № 9. P. 3–23. (In Russ.).
29. Mukhina E. N. «Chelovek tolpy» (Portret gubernskogo zhandarmskogo shtab-ofitsera epokhi Nikolaia I) [“Man of the crowd” (Portrait of the provincial gendarmerie headquarters officer of the era of Nicholas I)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 8: Istoriiia. 2000. № 4. P. 44–61. (In Russ.).
30. Narskii I. V. Sotsial'nyi natsionalizm? Iazyk simvolov i ritualov v otdelakh Soiuza russkogo naroda na Urale v 1905–1914 gg. [Social nationalism? The language of symbols and rituals in the departments of the Union of the Russian People in the Urals in 1905–1914] // Puti Rossii: Novyi staryi poriadok — vechnoe vozvrashchenie?: [XXI mezhdunarodnyi simpozium, 21–22 marta 2014 g.: sbornik statei] / [obshch. red.: M. G. Pugacheva, A. F. Filippov]. Moscow: NLO, 2016. P. 222–230. (In Russ.).
31. Narskii V. V. Frontovoi opyt russkikh soldat 1914–1916 gg. [Front experience of Russian soldiers 1914–1916] // Novaia i noveishaia istoriia. 2005. № 1. P. 194–204. (In Russ.).
32. Omel'ianchuk I. V. Monarkhisty v 1905–1917 gg.: ot triumfa k katastrofe [Monarchists in 1905–1917: from triumph to disaster] // Voprosy istorii. 2017. № 7. P. 3–21. (In Russ.).
33. Omel'ianchuk I. V. Parlamentarizm v ideologii rossiiskikh konservatorov nachala XX v. [Parliamentarism in the ideology of Russian conservatives at the beginning of the 20th century] // Voprosy istorii. 2015. № 2. P. 13–35. (In Russ.).
34. Omel'ianchuk I. V. Pravye partii i P. A. Stolypin [Right parties and P. A. Stolypin] // Rossiiskaia istoriia. 2012. № 2. P. 62–76. (In Russ.).
35. Omel'ianchuk I. V. Rabochii vopros v ideologii rossiiskikh konservatorov nachala XX v. [The labor issue in the ideology of Russian conservatives at the beginning of the XXth century] // Voprosy istorii. 2010. № 3. P. 22–37. (In Russ.).
36. Posadskii A. V. Vseobshchaia mobilizatsiia russkoi armii v 1914 godu i krest'ianstvo: po materialam Saratovskoi gubernii [General mobilization of the Russian army in 1914 and the peasantry] // Rossiia v XX veke: Reformy i revoliutsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (aprel' 2001 g.) / obshch. red. G. N. Sevost'ianov: v 2 t. T. 1. Moscow: Nauka, 2002. P. 529–542. (In Russ.).

37. Pushkareva I. M. Sel'skaia dvorianskaia usad'ba v poreformennoi Rossii (k postanovke problemy) [Rural noble estate in post-reform Russia (to the formulation of the problem)] // Otechestvennaia istoriia. 1999. № 4. P. 14–31. (In Russ.).
38. Repina L. P. Istoricheskaja pamiat' i sovremennaia istoriografii [Historical memory and modern historiography] // Novaia i noveishaia istoriia. 2004. № 5. P. 39–51. (In Russ.).
39. Samokhin K. V. Pervaia mirovaia voina v vospriatii tambovskikh krest'ian [World War I in the perception of Tambov peasants] // Tambovskoe krest'ianstvo v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 gg.). St. Petersburg, 2004. P. 85–95. (In Russ.).
40. Seniavskii A. S., Seniavskaia E. S. Istoricheskaja pamiat' o voynakh XX v. kak oblast' ideino-politicheskogo i psikhologicheskogo protivostoianiiia [Historical memory of the wars of the XX century as an area of ideological-political and psychological confrontation] // Otechestvennaia istoriia. 2007. № 2. P. 139–151. (In Russ.).
41. Stepanov S. A. Chernosotentsy v period Fevral'skoi revoliutsii 1917 g. [Elektronnyi resurs] [Black Hundreds during the February Revolution of 1917] // Gosudarstvennoe upravlenie Rossiiskoi Federatsii: vyzovy i perspektivy: materialy 15-i Mezhdunarodnoi konferentsii «Gosudarstvennoe upravlenie v XXI veke» (Moskva, 25 maia 2017 g.). Moscow: KDU; Universitetskaia kniga, 2018. P. 797–803. URL: <https://bookonlime.ru/node/1760/> (data obrashcheniia: 03.12.2022). (In Russ.).
42. Sushko A. V. Dukhovnye seminarii v Rossii (do 1917 g.) [Theological seminaries in Russia (before 1917)] // Voprosy istorii. 1996. № 11–12. P. 107–114. (In Russ.).
43. Toshchenko Zh. T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaja pamiat': analiz sovremenogo sostoianiiia [Historical consciousness and historical memory: analysis of the current state] // Novaia i noveishaia istoriia. 2000. № 4. P. 3–14. (In Russ.).
44. Tumanova A. S. Konservator vo vlasti: Gubernator N. P. Muratov [Conservative in power: Governor N. P. Muratov] // Otechestvennaia istoriia. 2003. № 3. P. 103–113. (In Russ.).
45. Tumanova A. S. Obshchestvennye organizatsii i russkaia publika v nachale XX veka [Public organizations and the Russian public at the beginning of the 20th century]. Moscow: Novyi khronograf, 2008. 328 p. (In Russ.).
46. Tumanova A. S. Obshchestvennye organizatsii Rossii: pravovoe polozenie, 1860–1930-e gg. [Public organizations in Russia: legal status, 1860–1930s]. Moscow: Prospekt, 2019. 480 p. (In Russ.).
47. Chegodaeva M. Massovaia kul'tura i sotsialisticheskii realizm [Mass culture and socialist realism] // Voprosy iskusstvoznaniia. 1997. № 1. P. 115–125. (In Russ.).
48. Shelokhaev V. V. Russkii liberalizm kak istoriograficheskaja i istoriosofskaja problema [Russian liberalism as a historiographical and historiosophical problem] // Voprosy istorii. 1998. № 4. P. 26–41. (In Russ.).
49. Shelokhaev V. V. Stolypinskii tip modernizatsii Rossii [Stolypin type of modernization of Russia] // Rossiiskaia istoriia. 2012. № 2. P. 18–36. (In Russ.).